

© 2024 г.

В.В. КАРАЧАРОВСКИЙ

РЕФЕРЕНТНЫЕ СТРАНЫ И ШОКИ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

КАРАЧАРОВСКИЙ Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, доцент факультета экономических наук, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (vvk@hse.ru).

Аннотация. Предлагается гипотеза о «гравитационной» природе шоков социетальной безопасности – факторов дестабилизации ценностного ядра обществ в связи с критическими изменениями на их географических и культурных «границах». Вводится понятие «референтных стран/обществ», расхождение в результатах развития с которыми приводит к утрате в исследуемом обществе легитимности избранного пути развития. Оценивается уровень социетальной безопасности российского общества на основе межстрановых различий показателей ВВП на душу населения и ИЧР, рассчитанных для России и для стран, тесно связанных с Россией, с учетом степени интереса в России к соответствующим группам стран («Западный мир», бывший «социалистический блок», страны бывшего СССР, БРИКС и ШОС). «Гравитационная» модель интереса россиян к странам мира строится с использованием в качестве показателя интереса – статистики интернет-запросов по сервисам Гугл-Тренды и Яндекс-Вордстат, а в качестве показателя «пограничности» – оцененной по Г. Хофстеду «культурной дистанции» между странами. Сделан вывод, что уровень социетальной безопасности для России максимален по отношению к странам ШОС и минимален по отношению к странам «Западного мира». Выявлена прямая зависимость интереса в России к странам мира от принадлежности конкретной страны к группе геополитических соперников («Западный мир», наиболее сильная связь) или к дружественным странам (БРИКС и ШОС, умеренная связь), а также от объема мирового туристического потока в эти страны, выступающего в качестве прокси-переменной насыщенности населения информацией или впечатлениями о них (причем предельный интерес к странам падает с ростом значения переменной). В то же время есть обратная зависимость интереса россиян к странам мира от «культурной дистанции» с ними в системе «Западный мир» – «глобальный Юг» – прочие страны.

Ключевые слова: социетальная безопасность • шоки безопасности • культурная дистанция • гравитационная модель • референтная группа • геополитика

DOI: 10.31857/S0132162524120128

Ренессанс идеи «другой Европы». Сегодня мы являемся свидетелями и участниками завершающего этапа возврата российского общества на свой суверенный путь развития после многих лет вестернизации и ее постепенного преодоления по траектории, которую когда-то теоретически допустил С. Хантингтон [2003: 107–108]. Это – стремление уйти

в своем национальном развитии от глобализации западного типа с ее крайним релятивизмом, отсутствием незыблемой ценностной опоры и высоким риском того, что от подверженных ей стран постепенно останется только «территория» без собственной идентичности [Бауман, 2005: 238].

В последние годы появляются официальные государственные документы, оформляющие разногласия России в путях развития с современной Европой и устанавливающие ориентиры собственного пути, охватываемые понятием «традиционные ценности». При этом угрозой традиционным ценностям среди прочего признаются «действия США и других недружественных иностранных государств», а идеологический фронт очерчен понятием «деструктивной идеологии» в виде «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей»¹. Видно, что речь идет отнюдь не просто о констатации наличия собственного пути, который есть у любого национального государства, но о цивилизационной альтернативе, идее «другой Европы» [Федотова, 1997: 7, 15].

Исторические условия складываются так, что процесс поиска национальной идентичности сопровождается массированными западными санкциями, в значительной степени изолирующими Россию от «Западного мира». Профессионалы прекрасно понимают опасность ситуации, когда идея «суверенизации» (экономики, институтов, ценностей) переходит границу, за которой начинается либо самоизоляция, либо имитация самостоятельности за счет «примыкания» к лояльным центрам силы [Романовский, Демиденко, 2023: 148]. Оба варианта неизбежно ведут к росту риска пересмотра рано или поздно собственным населением пути, по которому идет страна, если этот путь не дает ему явных преимуществ по сравнению со странами-соперниками.

Таким образом, мы наблюдаем явную двойственность угроз идентичности. Одна из них проистекает из разрушающей национальные культуры глобализации, другая – от неудач на изолированном или присоединенном (например, к «глобальному Югу») пути развития.

Новые старые опасности для социальной стабильности. Очень важно избежать ситуации, когда «охранительные ценности» перестают быть легитимными с точки зрения общества при сравнении результатов своего развития с другими обществами (как это было с советскими ценностями в 1980-х гг.). Чтобы этого не случилось, идеология, охраняющая «ценностное ядро» общества, должна быть *доказательна*, иметь явные свидетельства успеха в международной конкуренции.

Серьезный анализ общественного мнения россиян демонстрирует, что сегодня «имеет место консолидация российского общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны» [Горшков, Тюрина, 2023: 731]. Мы находимся в точке перехода к новой идентичности, уже освобожденной от «постсоветскости» и претендующей на экзистенциальную основу нового этапа развития страны. Но одновременно исследования показывают, что в современном российском общественном мнении традиционно велик эффект веры в «светлое будущее» и готовность к «трудным временам» в обмен на «перспективу» в виде «лучшей жизни следующего поколения» [Латов, 2023: 173–174]. Подобная формула означает, что *российское будущее становится перегруженным обязательствами*, потому что на него массово переносятся компенсирующие сегодняшние социальные беды надежды населения. Эта отягощенность будущего завышенными ожиданиями и обязательствами является в России одним из главных вызовов тому, что в научной литературе называют *социетальной безопасностью*.

Социетальная безопасность – категория, предложенная и разработанная в 1990-х гг. в Копенгагенском институте исследований проблем мира. Она определяется как «*способность общества обеспечивать незыблемость своих сущностных черт (essential character)*

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: пп. 4, 12, 13, 14. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 02.09.2024).

в меняющихся условиях», являясь второй стороной национальной безопасности наряду с государственным обеспечением суверенитета [Wæver et al., 1993: 23–25; McSweeney, 1996: 82–83]. При своем появлении концепция социетальной безопасности вызвала широкое обсуждение в научной среде [McSweeney, 1996; Buzan, Wæver, 1997; Bilgik, 2013 и др.], в том числе, став предметом национальных исследований проблем безопасности, – в странах Балтии [Herd, Lofgren, 2001], Японии [Akami, 2006], Австралии [Birrell, 2007], Венгрии [Butler, 2007], Швеции [Sundelius, Eldeblad, 2023] и в России (применительно к проблематике миграции) [Alexseev, 2011].

Социетальная безопасность указывает на необходимость обеспечения общественной легитимности существующего социального порядка через гражданскую идентификацию с выбранными страной целями и средствами развития. В противном случае общество постепенно приходит к ситуации, от которой предостерегал А. Этциони, когда «охраняемое» ценностное ядро или «моральный голос» общества становится «так же принудителен, как и правительство» [Etzioni, 1999: 93]. Кризис коллективной идентичности в этом случае становится лишь делом времени.

Методология. В статье ставится цель разработать основные принципы анализа, позволяющие предвидеть и предупреждать наступление шоков социетальной безопасности, вызванных неудовлетворительными с точки зрения населения результатами развития страны. Под шоками понимаются резкие изменения социальной стабильности ввиду нарастания в обществе протестных или оппозиционных настроений, подвергающих сомнению верность ранее избранного пути развития.

Предлагаемый подход опирается на три основных предпосылки, в комплексе отражающие механизм обеспечения социетальной безопасности на основе сравнительно-страновой успешности результатов развития по выбранному исследуемой страной (нацией) пути.

Предпосылка 1. При отклонении пути развития страны от мирового тренда развития (и/или от пути развития сильнейших стран мира) необходимым условием социетальной безопасности исследуемой страны является отсутствие критических расхождений в значениях показателей развития со странами-конкурентами.

Диспропорции и противоречия, возникающие в ходе развития и становящиеся очевидными при сравнении с другими странами, могут нарушать устойчивость альтернативной общественной системы, если она оказывается «проигрывающей». Указанные диспропорции оцениваются здесь на основе отклонения валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения и Индекса человеческого развития (ИЧР) России от среднего значения соответствующих показателей по группам стран, с которыми производится сравнение.

Предпосылка 2. С точки зрения социетальной безопасности важны сравнения результатов развития, прежде всего, с теми странами/обществами, которые исследуемое общество воспринимает как референтные².

По отношению к странам/обществам, которые исследуемое общество считает референтными, действует субъективная установка: «мы как минимум не хуже, чем они, и достойны не меньшего, чем они». При этом такие общества должны вызывать интерес со стороны населения ввиду «тесноты» связанности (исторической, географической, геополитической, геоэкономической, культурной). Это заставляет воспринимать результаты развития таких стран/обществ как ориентир и/или критерий собственной успешности.

²В отличие от изучения восприятия россиянами стран мира, – см., напр., исследования ФОМ (URL: <https://fom.ru/Mir/14872> (дата обращения: 02.09.2024)) или ВЦИОМ (URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzya-i-vragi> (дата обращения: 02.09.2024)), – в настоящей работе ставится задача по измерению интегрального интереса россиян к каждой из стран мира как индикатора важности или «веса» этих стран в массовом сознании.

Для измерения интереса россиян к другим странам были использованы показатели частоты поисковых интернет-запросов из России информации по другим странам³. Оценки производились с помощью двух сервисов:

– Яндекс-Вордстат⁴ (поиск названий стран с начала работы сервиса – с 2018 по 2023 г. включительно);

– Гугл-Тренды⁵ (поиск названий стран как специализированной темы «Страны» с начала работы сервиса – с 2004 по 2023 г. включительно).

В сервисе Яндекс-Вордстат рассчитывается количество поисковых запросов, которое фиксируется помесечно. В расчетах использовалось медианное значение запроса россиянами данных о каждой стране за выбранный период. Медиана позволяла отсеять запросы-выбросы, например, интерес к странам, обусловленный сезонностью, или интерес, вызванный исключительными событиями. В сервисе Гугл-Тренды рассчитывается средняя доля, которую составляют поисковые запросы по данной стране, по сравнению с пиковым запросом за выбранный период. Пиковые запросы (абсолютные максимумы запросов), с которыми можно было бы сравнить количество запросов обо всех странах выборки без нарушения шкалы сравнения, достигались только для двух стран – России и США. В итоге был использован меньший из них (запросы о США), поскольку максимальное за выбранный период количество запросов о России было настолько велико, что относительно него доли запросов данных о значительном количестве стран сервис определял как пренебрежимо малые (близкие к нулю).

Измеряемый таким способом интерес россиян к стране – ключевая категория анализа. Если интерес к той или иной стране со стороны населения невелик, то он сглаживает возможные высокие негативные разрывы в результатах развития с такими странами (например, с Люксембургом или Сингапуром). Напротив, даже если разрыв в результатах развития с теми или иными странами не очень высокий, но интерес к этим странам со стороны населения исследуемой страны велик (как, например, у россиян по отношению к Греции или Турции), то он выступает в качестве катализатора процессов роста протестных или оппозиционных настроений.

Предпосылка 3. Референтные страны представляют собой не раз и навсегда зафиксированную группу стран, а динамическую систему, в которой интерес к странам имеет гравитационную природу: он прямо пропорционален изменениям их места и роли в мире и во взаимодействии с исследуемой страной, но обратно пропорционален культурной дистанции с ними.

Данная предпосылка означает, что для выявления референтных стран недостаточно фиксации текущего среза массового сознания. Важно выявить закон, по которому интерес к странам меняется, допуская нелинейность исторической динамики и, по мысли А.С. Панарина, – возможность прогноза «качественно иного будущего» [Панарин, 2004: 171]. Основой эмпирического анализа в настоящей работе является класс «гравитационных моделей», которые сегодня уже широко распространены в социальных исследованиях и имеют значительное количество вариаций (см., напр.: [Шумилов, 2017]). В нашем случае проверяется связь интереса в России к другим странам с геоэкономической и геополитической связанностью стран, с количеством опыта, информации или впечатлений о странах у среднестатистического российского наблюдателя и с культурной дистанцией между исследуемой страной (Россией) и другими странами.

³ Использование частоты поисковых запросов в сети Интернет в качестве индикатора установок массового сознания или намерений тех или иных групп населения набирает всё больший вес в исследованиях [Varian, Choi, 2009] и уже апробировано для прогнозирования миграционных процессов (см., напр.: [Броницкий, Вакуленко, 2022]). При этом, конечно, данный подход имеет свои ограничения, поскольку интерес к конкретной стране может быть обусловлен очень разными обстоятельствами (например, интересом к ее истории, но не к ее современному развитию).

⁴ URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ URL: <https://trends.google.ru/trends> (дата обращения: 02.09.2024).

Геополитическая и геоэкономическая связанность стран. В модели был использован набор дамми-переменных, фиксирующих вхождение страны в то или иное исторически значимое по отношению к современной России международное объединение (блок, коалицию, союз), действующее сегодня или существовавшее в прошлом, в частности:

1) «Западный мир» – собирательное понятие, включающее стран-членов НАТО и союзников США вне НАТО в период «холодной войны», членов ЕС, кроме стран, прошедших постсоциалистический путь развития;

2) страны ЦВЕ, являвшиеся участниками бывшего советского «Восточного блока», включая стран-членов и ассоциированных членов ОВД и СЭВ, были объединены в группу «бывший социалистический блок», исключая бывшую ГДР (современная Германия включена в группу «Западный мир»);

3) страны-члены БРИКС и ШОС, включая страны, имеющие статус партнеров по диалогу ШОС (авангард государств, охватываемых часто используемым сегодня собирательным понятием «глобальный Юг»);

4) «бывший СССР» – страны, бывшие ранее (до 1991 г.) республиками СССР.

Страны, принадлежащие, по терминологии советского периода, к странам так называемого третьего мира (большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки), оставались вне специальной классификации.

Количество опыта, информации или впечатлений о странах у среднестатистического наблюдателя. Для этих целей был использован показатель среднегодового мирового туристического потока в страны, который также может выступать в качестве прокси-переменной «мягкой силы» стран [Nye, 2009]. В итоговой спецификации модели был использован усредненный туристический поток в каждую из стран выборки за 2000–2019 гг., то есть до начала периода, когда этот показатель стал искусственно искажаться (сначала из-за ограничений, связанных с пандемией COVID-19, затем ввиду геополитических событий 2022 г. и последующих лет проведения СВО на Украине).

Культурная дистанция. В качестве показателя расстояния между странами использовалась не географическая удаленность стран, а «культурная дистанция» на основе различий между странами по индексам Г. Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм, достижительная мотивация, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация, индულгенция/снисхождение к страстям)⁶. Расчет проводился по формуле (1):

$$H_{RUS,j} = \sqrt{\sum_{i=1}^n (h_{i,j} - h_{i,RUS})^2}, \quad (1)$$

где $H_{RUS,j}$ – культурная дистанция между Россией и страной j ; $h_{i,j}$ – индекс Г. Хофстеде ($i = 1...6$) для страны j ; $h_{i,RUS}$ – индекс Г. Хофстеде ($i = 1...6$) для России.

Отметим, что для измерения культурной дистанции в современных исследованиях широко используется индекс Когута – Синга [Kogut, Singh, 1988]. Данный показатель, однако, подвергается заметной критике в литературе, поэтому в модели было использовано нестандартизированное евклидово расстояние для n -мерного пространства (для измерения различий одновременно по n показателям) [Konara, Mohr, 2019: 338].

Вид гравитационной модели. Гравитационная модель интереса в России к другим странам оценивается по формуле (2) в своем исходном виде и по формуле (3) в преобразованном логлинейном виде, пригодном для использования линейной МНК-регрессии:

⁶ См. сайт кросс-культурных измерений Г. Хофстеде (URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (дата обращения: 02.09.2024)). Измерение культурной дистанции возможно и на других данных, например, на данных Всемирного исследования ценностей, WVS (URL: <https://www.worldvaluessurvey.org> (дата обращения: 02.09.2024)). Однако в этом случае мы так же, как и с базой Хофстеде, столкнулись бы с данными за достаточно отдаленные периоды (последний раз Россия участвовала в исследовании WVS в 2017 г.) и пришлось бы сократить выборку по странам более чем на 40% (7-я волна Всемирного исследования ценностей охватывала лишь 66 стран).

$$I_{RUS,j} = \alpha \cdot \frac{T_j^\tau}{H_{RUS,j}^\varepsilon} \cdot e^{\sum_i \omega_i \cdot G_{i,j}}, \quad (2)$$

$$\ln I_{RUS,j} = \ln \alpha + \tau \ln T_j - \varepsilon \ln H_{RUS,j} + \sum_i \omega_i \cdot G_{i,j} + e_j. \quad (3)$$

Здесь $I_{RUS,j}$ – интерес в России к стране j ; T_j – мировой туристический поток в страну j ; $G_{i,j}$ – дамми-переменная (1, 0) принадлежности страны j к группе стран i по геополитическому и/или геоэкономическому признаку; $H_{RUS,j}$ – культурная дистанция между Россией и страной j ; τ , ε , ω_i – искомые регрессионные коэффициенты; α – константа; e_j – регрессионный остаток.

В модель заложена гипотеза, что интерес к другим странам прямо пропорционален имеющимся у среднестатистического наблюдателя впечатлениям (информации, опыта), связанным со странами, а также геополитической либо геоэкономической связности стран, но обратно пропорционален культурной дистанции между странами. Стоит еще раз подчеркнуть, что те страны/общества, к которым в России велик интерес и которые через видимые результаты своего развития влияют на социальную удовлетворенность россиян развитием собственной страны, рассматриваются как элементы динамической подвижной системы. Страны могут входить в число референтных для россиян и выходить из их числа при изменении трех вышеперечисленных показателей.

Оценка составляющей социетальной безопасности, связанной с межстрановыми расхождениями в результатах развития. По данным табл. 1 видно, что наибольший интерес, измеренный по индексам Яндекс-Вордстат (Wordstat) и Гугл-Трендов (GTI), россияне проявляют к странам «Западного мира», а наименьший – к странам, входившим в коалицию с Россией в прошлом, – к бывшему социалистическому блоку и бывшим республикам СССР. На втором месте по проявляемому в России интересу к ним находятся страны ШОС и БРИКС (столбцы 3 и 4). Культурная дистанция является наибольшей со странами Запада и наименьшей со странами, ранее входившими в социалистический блок или в СССР (столбец 2).

Интерес в России к любой из указанных групп стран в среднем статистически выше, чем ко всем прочим странам. Однако культурная дистанция России статистически выше только с группой стран «Западный мир». Статистические различия культурной дистанции России с группой стран «БРИКС+ШОС» и с прочими странами не выявлены, а со странами бывшего СССР и бывшего «Социалистического блока» она, напротив, меньше, чем с прочими странами (значимость Т-тестов приведена в табл. 1). Анализ вклада культурной дистанции в интерес к странам более детально проведен в рамках единой многофакторной модели.

Как видим, по показателям ВВП на душу населения и ИЧР Россия является «проигрывающим» обществом только по отношению к странам «Западного мира» (отклонения от среднего значения указанных показателей по данной группе стран отрицательные). По отношению ко всем остальным объединениям стран Россия в среднем является «выигрывающим» обществом, т.е. опережает, причем заметно, по этим показателям все другие страны, в том числе страны БРИКС и ШОС. Измеренные отклонения значимы для большинства групп стран.

В столбцах 7–10 приведен индекс социетальной безопасности, рассчитанный как отставание/опережение в развитии указанных групп стран, скорректированное (умноженное) на показатель интереса россиян к ним⁷. В скобках приведен ранг угроз возникновения шоков социетальной безопасности от данной группы стран. Ранг, равный единице, присвоенный странам «Западного мира», означает, что максимальное отставание от них в социально-экономическом развитии сочетается с максимальным же интересом в России к данным странам. Наименьшая угроза исходит от стран БРИКС (их ранг – 4-й) и ШОС (5-й ранг). В то же время почти в каждой группе стран есть страны-лидеры,

⁷ Значения Wordstat и GTI предварительно нормировались от 0 до 1.

Таблица 1

Составляющие и итоговая оценка современного уровня общественной безопасности для России с точки зрения межстрановых сопоставлений результатов развития

Группа стран	Культурная дистанция с Россией ¹	Интерес к группе стран со стороны населения		Различия в благополучии ²		Индекс (ранг) общественной безопасности ³			
						используя WordStat		используя GTI	
		WordStat (×10 ⁶ запросов/мес. на одну страну)	GPI (% от наиб. поп. запроса)	душевой ВВП (отклонение ±, %)	ИЧР (отклонение ±, %)	ВВП	ИЧР	ВВП	ИЧР
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Западный мир ⁴	70,0 (24,3) ^{†(+)}	1,42 (1,52) ^{†(+)}	10,29(10,02) ^{†(+)}	-33,8 (-46,0) [†]	-11,5 (-11,4) [†]	-8,06 (1)	-2,74 (1)	-8,92 (1)	-3,03 (1)
БРИКС	58,0 (14,4) ⁻	1,16 (1,30) ^{†(+)}	7,50 (8,93) ^{†(+)}	+81,0 (-47,4) ⁻	+12,3 (-12,4) ⁺	15,78 (4)	2,40 (4)	15,58 (4)	2,37 (4)
ШОС ⁴	50,5 (22,1) ⁻	1,32 (1,16) ^{†(+)}	8,22 (8,01) ^{†(+)}	+163,1(+12,1) ^{**}	+14,3 (+2,37) ^{**}	36,15 (5)	3,17 (5)	34,38 (5)	3,01 (5)
Бывший СССР	38,2 (21,3) ^{†(-)}	1,16 (1,44) ^{†(+)}	6,16 (7,30) ^{† (+)}	+69,3 (-14,0) ^{**}	+4,80 (-8,68) ⁺	13,50 (3)	0,93 (3)	10,95 (3)	0,76 (3)
Бывший социалистический блок	39,7 (24,2) ^{†(-)}	0,58 (0,92) ^{†(+)}	2,49 (1,99) ^{†(+)}	+24,6 (-17,4) ⁺	+0,08 (-11,3) ⁻	2,39 (2)	0,01 (2)	1,57 (2)	0,01 (2)

Примечания: ¹ Приведено среднее значение и (в скобках) стандартное отклонение: столбец 2 – культурной дистанции России с соответствующими группами стран, рассчитанной по четырем показателям Г. Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм, достижительная мотивация, избегание неопределенности); столбцы 3 и 4 – статистика интернет-запросов названий стран (для группы «Западный мир» – от показателей США). Приводятся уровни значимости Т-теста для сравнения среднего значения по данной группе стран со странами, не учтенными в приведенной классификации. Знаком⁽⁺⁾ или⁽⁻⁾ показано направление отклонения среднего значения. ² Отклонение ВВП на душу населения по ППС за 2023 г. (URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD> (дата обращения: 02.09.2024)) и Индекса человеческого развития (ИЧР) за 2022 г. (URL: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights/#/rank> (дата обращения: 02.09.2024)) России от среднего значения и (в скобках) от наибольшего значения соответствующего показателя по данной группе стран (для группы «Западный мир» – от показателей США). Приводятся уровни значимости критерия Уилкоксона для сравнения медианного значения душевого ВВП и ИЧР по заданной группе стран с Россией. ³ Уровни значимости: * нет доказанной связи, ** р<0,05, *** р<0,01, **** р<0,005, ***** р<0,001. ⁴ Западный мир – страны-члены НАТО, а также союзники США вне НАТО в период «холодной войны», кроме стран, прошедших постсоциалистический путь развития; ШОС – без стран в статусе партнеров по диалогу.

по отношению к которым Россия одновременно по обоим показателям является «проигрывающим» обществом (см. отрицательные значения, приведенные в скобках в столбцах 5 и 6). В БРИКС – это ОАЭ, среди бывших республик СССР – Литва и Эстония, а среди стран бывшего социалистического блока – это Польша, Чехия, Словения и Венгрия.

Гравитационная модель интереса в России к другим странам. В таблице 2 приведены результаты оценивания модели (3). Оцениваются четыре спецификации модели: зависимая переменная в I и II спецификациях – логарифм индекса Гугл-трендов, в III и IV – логарифм индекса Яндекс-Вордстат; переменная культурной дистанции в I и III спецификациях рассчитана на основе четырех индексов Г. Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм, достижительная мотивация, избегание неопределенности), а в II и IV спецификациях – с двумя дополнительными индексами (долгосрочная ориентация и индულгенция). Два последних показателя имеются не по всем странам, вошедшим в выборку, поэтому оценка была произведена с заменой пропущенных данных средними значениями данных показателей по выборке. Всего в выборку вошли 116 стран, по которым имелись оценки индексов Г. Хофстеде.

В модель включены дамми-переменные только двух объединений стран – «Западный мир» и «БРИКС+ШОС со странами-партнерами по диалогу». Страны бывшего социалистического блока и республики бывшего СССР, таким образом, входят в модели в базовую категорию стран. В противном случае база сравнения оказалась бы сильно обеднена, включив в себя только малые страны, относящиеся к слабым или развивающимся. Кроме того, была зафиксирована коллинеарность переменной культурной дистанции с дамми-переменными по этим объединениям стран.

Таблица 2

Гравитационная модель интереса в России к другим странам¹

	Спецификации модели ²							
	I		II		III		IV	
	β	Std. β	β	Std. β	β	Std. β	β	Std. β
Культурная дистанция (лог.)	-0,410* (0,166)	-0,158	-0,920 [†] (0,203)	-0,270	-0,567* (0,290)	-0,151	-1,330 [†] (0,361)	-0,269
Туристический поток (лог.)	0,450 [†] (0,052)	0,566	0,443 [†] (0,049)	0,557	0,505 [†] (0,096)	0,420	0,491 [†] (0,092)	0,408
Страны БРИКС и ШОС	0,785 [†] (0,233)	0,208	0,678*** (0,222)	0,179	1,373 [†] (0,408)	0,251	1,216*** (0,394)	0,222
Западный мир	1,194 [†] (0,227)	0,364	1,263 [†] (0,212)	0,385	1,641 [†] (0,397)	0,345	1,754 [†] (0,377)	0,369
Константа	-5,138 [†] (0,952)	–	-2,801* (1,096)	–	5,930 [†] (1,724)	–	9,470 [†] (2,010)	–
F	41,45 [†]		50,50 [†]		20,03 [†]		24,12 [†]	
R ²	0,599		0,643		0,422		0,467	
Durbin's alternative test p-value	0,937		0,996		0,332		0,283	
Shapiro-Wilk test p-value	0,309		0,178		0,157		0,067	
N	116		116		115		115	

Примечания. ¹ Оценивается на основе формулы (3). ² Вид модели – МНК-регрессия в лог-линейном виде. Спецификации: зависимая переменная в I и II – логарифм индекса Гугл-трендов (индексу присваивалось значение 0,3, если сервис оценивал долю поисковых запросов страны < 1%), в III и IV – логарифм индекса Яндекс-Вордстат; переменная культурной дистанции в I и III – на основе четырех индексов, в II и IV – на основе шести индексов Г. Хофстеде. Уровень значимости: *p < 0,10, *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,005, [†]p < 0,001.

Все модели значимы и имеют высокое качество: R^2 в диапазоне 0.4–0.6, нормально распределенные остатки (p -value теста Шапиро – Уилка ~ 0.1 –0.3), отсутствие автокорреляции (p -value альтернативного теста Дарбина ~ 0.3 –0.9).

Гипотетические связи, заложенные в модель, полностью подтверждены. Поскольку индексы Wordstat и GTI имеют разные шкалы, то величину регрессионных коэффициентов в спецификациях I–II и III–IV напрямую сравнивать нельзя. Однако стандартизированные бета-коэффициенты, учитывающие разницу шкал, демонстрируют высокое соответствие результатов оценивания всех спецификаций между собой. Например, стандартизированные β -коэффициенты при переменной культурной дистанции для спецификаций I и III (с культурной дистанцией, рассчитанной по четырем индексам Хофстеде) составляют $-0,158$ и $-0,151$, а для спецификаций II и IV (культурная дистанция рассчитана на 6-ти индексах Хофстеде) соответственно $-0,270$ и $-0,269$.

Вернемся к интерпретации основных коэффициентов модели на примере спецификаций III и IV с зависимой переменной интереса к другим странам, измеренным как логарифм индекса Wordstat (интерпретация спецификаций I–II полностью аналогична). Видно, что принадлежность к «Западному миру» увеличивает интерес в России к таким странам на 164–175 пп., а принадлежность к странам «глобального Юга» – на 122–137 пп. Это означает, что *вхождение России даже в коалицию дружественных стран значительно повышает угрозу нарастания шоков социетальной безопасности, если в этой коалиции потерять лидерство.*

Значение коэффициента при переменной туристического потока показывает, что в модель эта переменная входит со степенью, примерно равной 0,5 (ср. формулы 2 и 3), т.е. интерес к стране по мере роста потока посещающих ее людей постепенно насыщается (предельный интерес к стране падает) как квадратный корень от числа туристов. В некотором смысле это говорит о ненужности такого испытанного в истории России «охранительного» инструмента как «железный занавес». Достаточно пережить всплеск интереса граждан к той или иной стране лишь в самом начале ее узнавания, затем предельный интерес начнет убывать. Напротив, «железный занавес», ограничивающей познание и посещение других стран, держит интерес населения в постоянно повышенном состоянии, создавая благоприятные условия для экспансии чужой культуры. Таким образом, *защитным механизмом титульной культуры и ценностей от социетальных шоков в большей степени являются свободы, а не ограничения.*

Культурная дистанция во всех спецификациях модели является значимым и отрицательным фактором. Но как значимый фактор она устойчиво проявляет себя только при условии учета в модели в явном виде определенных групп стран, выделенных по реальным признакам (в нашем случае, вхождение в международные блоки) и дифференцированных по количеству информации, опыта или впечатлений о них (в нашем случае, на основе прокси-переменной туристического потока). Это означает, что *существует страновая структура, в рамках которой культурная дистанция выступает фактором, подавляющим интерес к странам с более сильными культурными отличиями.* В связи с различием в количестве индексов Хофстеде, по которым рассчитана культурная дистанция (в одном случае – четыре индекса, в другом – шесть), коэффициенты в спецификациях I, III и II, IV заметно различаются по абсолютной величине. Введение в расчет культурной дистанции двух дополнительных индексов – долгосрочной ориентации и индугенции – заметно увеличивает скорость, с которой культурная дистанция подавляет интерес к странам (регрессионный коэффициент для культурной дистанции на четырех индексах составляет $\sim 0,4$ –0,6, а на шести индексах – уже $\sim 0,9$ в спецификации II и $\sim 1,3$ в спецификации IV).

Выводы. Таким образом, разработаны основы эмпирико-теоретической модели возникновения шоков социетальной безопасности в стране в случае ее отставания в результатах социально-экономического развития от стран, являющихся по отношению к ней «референтными» (вызывающими наибольший интерес населения).

Оценена гравитационная модель формирования интереса населения России к другим странам как функции от количества опыта, информации или впечатлений, связанных

с этими странами, их геополитической/геоэкономической связанности с Россией и культурной дистанции России с ними.

Показано, что наибольшую угрозу шоков социетальной безопасности для России создает группа стран, классифицированная как «Западный мир». Впрочем, вхождение России в коалицию дружественных стран (яркий пример – БРИКС+) также может порождать риски возникновения шоков социетальной безопасности, если утратить в этой коалиции социально-экономическое лидерство. Закрытость общества в виде ограничения информации или возможности выезда в другие страны скорее ухудшает прогноз возникновения шоков социетальной безопасности. Наконец, высокая культурная дистанция снижает угрозы социетальной безопасности даже при большом отставании в развитии от референтных стран/обществ, но и одновременно снижает ценность опережения их в развитии. Наоборот, низкая культурная дистанция выступает триггером развития шоков социетальной безопасности даже при незначительном межстрановом отставании в результатах развития, одновременно заметно повышая ценность даже малого межстранового лидерства в развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
- Броницкий Г.Т., Вакуленко Е.С. Прогнозирование миграции из России в Германию с использованием Google-трендов // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 3. С. 75–92.
- Горшков М.К., Тюрин И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739.
- Латов Ю.В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // ПОЛИС. Политические исследования. 2023. № 6. С. 161–179.
- Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Фрагменты выступления на методологическом семинаре в МосГУ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 171–173.
- Романовский Н.В., Демиденко С.Ю. Новая социальная реальность (О XXIV Харчевских чтениях) // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 147–150.
- Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: Институт философии РАН, 1997.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Шумилов А.В. Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 2. С. 224–250.
- Akemi T. In the Name of the People: Welfare and Societal Security in Modern Japan and Beyond // Asian Perspective. 2006. Vol. 30. No.1. P. 157–190.
- Alexeev M.A. Societal Security, the Security Dilemma, and Extreme Anti-Migrant Hostility in Russia // Journal of Peace Research. 2011. Vol. 48. No. 4. P. 509–523.
- Bilgic A. Towards a New Societal Security Dilemma: Comprehensive Analysis of Actor Responsibility in Intersocietal Conflicts // Review of International Studies. 2013. Vol. 39. No.1. P. 185–208.
- Birrell B. Australian Futures: Societal Security and Identity // Global Forces. 2007. Proceedings of the ASPI conference: Australian Strategic Policy Institute. P. 29–39.
- Butler E. Hungary and the European Union: The Political Implications of Societal Security Promotion // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. No. 7. P. 1115–1144.
- Buzan B., Wæver O. Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. No.2. P. 241–250.
- Etzioni A. Debate: The Good Society // The Journal of Political Philosophy. 1999. Vol. 7. No. 1. P. 88–103.
- Herd G.P., Lofgren J. 'Societal Security', the Baltic States and EU Integration // Cooperation and Conflict. 2001. Vol. 36. No. 3. P. 273–296.
- Kogut B., Singh H. The Effect of National Culture on the Choice of Entry Mode // Journal of International Business Studies. 1988. Vol. 19. No. 3. P. 411–432.
- Konara P., Mohr A. Why We Should Stop Using the Kogut and Singh Index // Management International Review. 2019. Vol. 59. P. 335–354.
- McSweeney B. Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // Review of International Studies. 1996. Vol. 22. P. 81–93.
- Nye J.S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. No. 4. P. 160–163.

- Sundelius B., Eldeblad J. Societal Security and Total Defense: The Swedish Way // PRISM. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 92–111.
- Varian Hal R., Choi H. Predicting the Present with Google Trends. 2009. August 17. URL: <https://ssrn.com/abstract=1659302> (дата обращения: 02.09.2024).
- Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaître P. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London: Pinter, 1993.

Статья поступила: 10.09.24. Финальная версия: 26.11.24. Принята к публикации: 16.12.24.

REFERENCE SOCIETIES AND SOCIETAL SECURITY SHOCKS IN RUSSIA

KARACHAROVSKIY V.V.

HSE University, Russia

Vladimir V. KARACHAROVSKIY, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Faculty of Economic Sciences, Head of the Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development, HSE University, Moscow, Russia (vvk@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01892 (URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01892>).

Abstract. The article develops a hypothesis about the gravitational nature of societal security shocks as the phenomena of destabilizing the value core of societies because of critical changes at their geographical and cultural “borders”. The category of “reference countries/societies” is introduced, the gap in the results of development with which leads to the loss of legitimacy of the path of development chosen by society. The societal security level of Russia is assessed basing on GDP per capita and HDI difference with the groups of countries historically and geopolitically connected with Russia (the “West World”, the former “Socialist Bloc”, the countries of the former USSR, the countries of the EAEU, BRICS and SCO). The difference of these indicators is adjusted to the Russians’ interest to the countries. Then the gravity model of Russians’ interest to other countries is estimated, using as the indicator of interest the statistics of Internet queries on Google Trends and Yandex Wordstat, and as an indicator of the distance the “cultural distance” between the countries, calculated basing on Hofstede’s indices. It is shown that the level of social security for Russia is maximal in relation to the SCO countries and minimal in relation to the “West World” countries. Herewith Russian’s interest is strongest for the group of geopolitical rivals (the “West World”) and is moderate for the friendly countries (BRICS and SCO). The marginal interest in countries monotonically decreases with the growth of tourist flows to them (as a proxy-variable of saturation of information or experience about them). Finally, the inverse dependence of Russians’ interest for countries on their “cultural distance” with Russia in the “West World” – “Global South” – other countries’ system is demonstrated.

Keywords: societal security, security shocks, cultural distance, gravitational model, reference group, geopolitics, countries of the world.

REFERENCES

- Akami T. (2006) In the Name of the People: Welfare and Societal Security in Modern Japan and Beyond. *Asian Perspective*. Vol. 30. No.1: 157–190.
- Alexseev M.A. (2011) Societal Security, the Security Dilemma, and Extreme Anti-Migrant Hostility in Russia. *Journal of Peace Research*. Vol. 48. No. 4: 509–523.
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Transl. ed. by V.L. Inozemcev. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bilgik A. (2013) Towards a New Societal Security Dilemma: Comprehensive Analysis of Actor Responsibility in Intersocietal Conflicts. *Review of International Studies*. Vol. 39. No.1: 185–208.
- Birrell B. (2007) Australian Futures: Societal Security and Identity. *Global Forces. Proceedings of the ASPi conference: Australian Strategic Policy Institute*: 29–39.
- Bronitsky G., Vakulenko E. (2022) Using Google Trends for external migration prediction. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 3: 75–92. (In Russ.)
- Butler E. (2007) Hungary and the European Union: The Political Implications of Societal Security Promotion. *Europe-Asia Studies*. Vol. 59. No. 7: 1115–1144.
- Buzan B., Wæver O. (1997) Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies. *Review of International Studies*. Vol. 23. No. 2: 241–250.
- Etzioni A. (1999) Debate: The Good Society. *The Journal of Political Philosophy*. Vol. 7. No. 1: 88–103.

- Fedotova V.G. (1997) *Modernization of the «Other» Europe*. Moscow: Institut Filosofii RAN. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tyurina I.O. (2023) Consolidation of the Russian Society under Contemporary Challenges: Social-Historical and Value Contexts. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 23. No. 4: 720–739. (In Russ.)
- Hantington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Transl. by T. Velimeev, Yu. Novikov. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST». (In Russ.)
- Herd G.P., Lofgren J. (2001) 'Societal Security', the Baltic States and EU Integration. *Cooperation and Conflict*. Vol. 36. No. 3: 273–296.
- Kogut B., Singh H. (1998) The Effect of National Culture on the Choice of Entry Mode. *Journal of International Business Studies*. Vol. 19. No. 3: 411–432.
- Konara P., Mohr A. (2019) Why We Should Stop Using the Kogut and Singh Index. *Management International Review*. Vol. 59: 335–354.
- Latov Yu.V. (2023). Dynamics of Mass Consciousness of Russians: Extraordinary Situation or Beginning of a New Cycle? *Polis. Political Studies*. No. 6: 161–179. (In Russ.)
- McSweeney B. (1996) Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*. Vol. 22: 81–93.
- Nye J.S. (2009) Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*. Vol. 88. No. 4: 160–163.
- Panarin A.S. (2004) Global Political Forecasting. Excerpts from a Speech at the Methodological Seminar at Moscow State University of the Humanities // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1: 171–173. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V., Demidenko S. Yu. (2023) The New Social Reality (On the XXIV A. Kharchev' Readings). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 147–150. (In Russ.)
- Sundelius B., Eldeblad J. (2023) Societal Security and Total Defense: The Swedish Way. *PRISM*. Vol. 10. No. 2: 92–111.
- Shumilov A. (2017) Estimating Gravity Models of International Trade: A Survey of Methods. *HSE Economic Journal*. Vol. 21. No. 2: 224–250.
- Varian Hal R., Choi H. (2010) Predicting the Present with Google Trends. April 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=1659302> (accessed 02.09.2024).
- Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaître P. (1993) *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter.

Received: 10.09.24. Final version: 26.11.24. Accepted: 16.12.24.